

На миллиметре

Я видел черную степь
В мертвом ночном дыхании,
Холодную цепь,
Обвязавшую непослушную шею.
Я еще поверю,
Но только, если ответишь,
Для кого ты светишь
Мое обгоревшее солнце?
Для кого ты двери
На распашку держишь?
Черная степь пробирается хищной птицей.
Для чего мне снится
Сумасшествие предрассветных теней?
Снова дверь,
Дверь в холодный покой темноты.
Если, только не ты,
Не твое обнаженное счастье.
Прости...

Прибрежная песня Ромео

прекрасен берег,
твоей звездой освещенный,
его песок умытый
во влагу янтаря.

прохладой опьяненный,
пью его волну,
вдыхаю воздух вольный,
срываюсь в бездну неба,
музыкой луны
клонюсь ко сну.

я в нем -
причалившее судно,
нашедшее по бешеному ветру
свиданье тишины,
под зимней коркой - лето,
в плену огня - союз.

прекрасен горизонт его,
что груз
закатного светила принимает
алой краской,
утонувшей лаской,
парящей от восхода чувств.

За вестниками родникового света

Та, что лечит, одним прикосновением,
согревает дыханием ночи,
та, о которой хочется
рассказать ветром весенним
в каждой строке любви.

Она спасает, одним лишь присутствием,

умирающее сердце.

Во имя ее пришли
вестники родникового света.

Ее летний вкус
на моих губах
расцветает июльским солнцем.

Ее молитвой пропитан воздух
моих снов.

Серебряным ключом

Дай музыке самой течь в твоём сердце.
Она приходит из ниоткуда
и льётся серебряным ключом по утомленному слуху.
Это хор ангелов.
Пусть играет волынка,
кружат хороводы.
Пусть собирает пространную мощь орган.
Не старайся сосредоточиться,
иначе потеряешь ее пылевидную нить.
Просто отдайся созерцанию,
чуткому,
словно движение ветра,
чистому,
словно горный ручей.
Дай музыке самой течь в твоём сердце.
Охвати красоту первозданных звуков,
мелодию вселенского горна,
ритм, сошедший с изумрудных холмов
и лимонных полей.
Покой и динамика,
все на одной волне,
в одном измерении.

Читать по глазам

Хочу умереть и ожить в твоём сердце
Лилией снежной,
Чтобы украсить озеро светлой любви.
Лишь тонкий шаг к разметке скалы отвесной,
Незримый, нежный
Шаг,
И я распускаюсь, глотая воздух границ твоих.

Хочу обрести тайну сна и подарить тебе
Хрустальный посох дождя,
Теплый прилив заката.
Лишь бы заснуть рядом на глубине
Ночного огня,
Лишь бы заснуть рядом.

Хочу воскресить безмолвия храм,
Сердец сокровенный угол,
Ведь мы же умеем читать по глазам,
Мы ближе, чем знаем друг друга.

Сезоны любви. На глубине

Окаменелости зимы.
Меловый гранит застывших дорог.
Химия весны.
Изумрудный раствор свежести.
Испарина лета.
Солнечная вакханалия в брызгах огня.
Сезоны любви и наших надежд
союзом сладких роз, ласковых вин,
нежной жажды и девственной наготы глаз.
Отречение от мира, ради мира,
наполненного красками Гогена,
музыкой Дебюсси,
поэзией Овидия.
Так я вижу тебя рядом,
так чувствую тебя,
так я знаю тебя.
Сезоны любви.
Перелистывая сухой календарь,
я оставляю позади
бриллиантовый свет теплой воды с твоих плеч,
холодные поцелуи ночных свечей,
опьяняющий шум леса,
печальную росу твоих сокровенных слез,
я оставляю, ради продолжения дыхания
вслед соленому морскому ветру,
встречающему нас на золотых пляжах августа,
ради распущенного головокружения
канареечной мишуры сентября,
ради белых постелей январского ледяного дворца,
ради пылающей, зеленеющей молодости твоей апрельской души,
кричащей обновлением земли
в кристальной лазури небесного пиршества.
Сезоны любви.
Дай волю замерзшим рукам, остывшим движениям,
забытым словам, что шептали серебром луны,
сахарной пылью звезд с ночного пристанища бога любви,
отмерь на глубине уставшего сердца
место для продолжения жизни сладких роз,
ласковых вин, нежной жажды
и девственной наготы глаз.

Мягкость снега на безветрии

Мягкость снега на безветрии,
Струн восточных тонкий лад,
Тихий омут белым светом,
За окном стеной заветной
В инее лесной фасад,
Усмиряя сном таежным,
Носит сказочную пыль.
Разум легкостью застыл,
Беспокойство сердца в ножны,
В душу маетную – штиль.
Неба молоко тучнеет,
Сея хлопьями балласт,

Плавность взгляда каменеет
Обаяньем зимних фраз.
Мягкость снега, нежный берег,
Ледяной волны экстаз,
Забывая солнца сласть,
Я тону в крошке мела.
Белый, белый, белый пласт...

Сквозь дым неоновых цветов

Под одеялом черной небесной ткани,
Сквозь дым неоновых цветов городского дыханья,
Мы с тобой открываем дороги близости, мы крадем сердца друг друга.
Снежные искры провожают нас мерцанием сиюминутности,
Глухие фасады домов врезаются тяжестью каменных холодных снов,
Но твой взгляд, печально-прекрасной далью, согревает меня на ветру,
Но твое заботливое солнце изливается ароматным вином
в трезвое безразличие механических улиц.
Серебро луны крошится на волосы, венчая нас в древнем соборе ночи.
Когда-то давно я загадал тебя, я загадал твою сокровенную любовь,
И вот, ты здесь, под покровительством крылатых созвездий,
глянцевых воздушных многоточий,
Ты здесь и все теряет объективную реальность, превращается в игру,
В игру просветленного вожделием разума, буйство красок опаленной души,
Которая больше не знает границ и пределов своей алхимии.
Внутренняя музыка изредка преломляется простуженным хрипом машин,
Алмазные деревья сладко шепчутся пророческим шорохом о нас,
прошлое забыто, горизонты стерты, веди меня...

Кромка. Заточенный под нерв

я соткан из трупов своих поражений,
из шрамов, осколков, следов темноты,
я слепок из глины немой пустоты,
из пепельных листьев самосоженья.

я ползал по дну, чтоб узнать, как дышать
небесным потоком синеющей лавы
(без сил и без страха, не ведая меры,
теряя себя, чтоб себя удержать,
мешая рассудок безумством)
я знал, лишь надежду и помнил о главном,
лишь смерть приемлет усталых,
лишь жизнь открывает все двери,
лишь жизнь на лезвии чувства.

Шлейф самолета на айсберге неба

Шлейф самолета на айсберге неба,
белая лента, плывущая снежным туманом
за горизонт индиговых рощ.
Я провожаю льдом на ресницах нервных
твое молчание, твое признание
ереси слова.
Я собираю дрожь
с твоей холодной руки,
одевая в ласку июньской травы эпизоды

прощания.
Шепчи мне глазами печаль одиноких гор,
грусть сиротливой волны океана,
безлунные глухими ночами,
шепчи мне, я излечу твои раны
я соберу слез твоих соль,
как дрожь с застывшей руки.
Пусть ветер кашлем солнце задул,
но у меня есть снадобье теплых аллей,
ведущих к кострам надежд и прощенья,
у меня есть дар отречения
от своего дерзкого сердца,
ради твоих ласковых струн,
поверь.
И когда сердце насытится болью,
когда догорят последние свечи
призрачной ночи,
шлейф самолета исчезнет в ультрамариновом море,
ты обернешься...
прощай, до свиданья...
до встречи...
мы снова...

Вспыльчивых струн резец под языком

Он состоял на четверть из хмеля,
На четверть из поэзии,
На четверть из любви,
На четверть из ночных скитаний.
Он любил дочерей океана,
Венеры соблазн и копья-огни
Карабкающей ранней
Звезды
В утренних ледяных песнопеньях.
Он носил полевые цветы
В волосах шоколадных,
Вспыльчивых струн резец
Под языком,
Собирал истории вскрытыми шрамами.
Он извивался дикой рекой
И впадал наконец
В глубины святого безумства.
Его имя, нежной грусти глоток,
Незримый венец
Чувственности,
Соль штормовых соков
В жажде искусства,
Искусства любить зажженное
Небо востока.

Путешествие к истокам

Начало долгого пути.

Вниз по Драконовым горам,
навстречу трехкилометровым водопадам,
считывая со скал
рисунки художников палеолита.

Прохлада виноградников спасет
от кочевой пыли солнца.

Гостеприимная бедность встречает
ночлегом.
Скорость гепарда, мощь буйвола, сила льва
оседают
в легендах и песнях
у вечерних костров.

Борьба за выживание в кратере ночи.
Превращения шаманов.
Кости древности в оскале
молчащих пещер.

Пылающий рассвет на берегу океана
обжигает
золотом
вязкую кашу песка.

Дотронься до горизонта.

Constanta

Растекшаяся кисло-лимонная акварель заката
отражалась в металлической облицовке автозаправки.
Грязный снег у обочины втягивал вечерний холод,
погребая глазки придушенных окурков.
Набивая в глаза небесную вату,
собирая лужи фонарного рассола,
мы проводили нежным проклятьем еще один день молитв.

Шампанское, прокуренный подъезд (Мята губ)

Шампанское, прокуренный подъезд.
Разбитое стекло вдыхает инея начес.
На пыльной батарее
спасительный глоток для рук.
На стружке стен
открытия дворового поэта.
Январский вечер холодом залез
под воротник субботы.
Хмелем багровеет
туман бесед, сомкнутых в узкий круг.
Закравшаяся ночь
мне жалуется приметы
уединенного созвездья двух сердец.
Дорога к дому. Мертвая толпа
прибитых каменных сугробов,
что искрами блудлива.
Мы утоляем тонкость слуха
в благую весть
священного огня,
что расстилает полночь.
Вскрывая сновидений клетку, закроем двери.
Нам завтра снова
по утренним разливам

плыть разлукой.
Но пока,
ни звука,
лишь любви молитва
дыханьем у виска
да мята губ цветущим ожерельем.

Парение в восходящих потоках воздуха

Завтра, уже не будет.
Похорони зарубки лунного
календаря.
Отрекись от эмбрионов
посеянных дел.
Аврора,
уже не порвет лески ночного тока.
Дыши смелей под откос.
Здесь нас молоком вскормят звезды
под мхами черных волос.
Не думай, ты уже знаешь, ты не забудешь
теперь никогда,
что завтра – не наш предел,
мы смотрим дальше, в сейчас,
паря в восходящих потоках
воздуха.

Кристаллизация

Она рассказывает мне свои сны –
золотые сады Эдема.
Она разделяет со мной вино
мятной ночи.

Кристаллизация любви.
Наркотический плен.
Чистый источник
вкуса жизни.

Я разбиваю окно
и падаю
в медовые травы,
стекло
крошится мягким, алмазным
дождем из света.

Шоколад на губах тает
признанием истины,
только ее взгляда.
Наготу обнаружит, лишь ласковый ветер
да лунная маска.

Ждем рассвета.

Вкус диких трав

Наши глаза,
Исполненные сиянием ночи,

Переливаются нежным секретом.

Как храмы в скалах Каппадокии,
Хранят молитвы
Тайных служб
Первых христиан,
Так эти стены, помнят бессрочные
Клятвы,
Освещенные ветром,
О том, что на этом пороге
Тебя всегда ждет
Вкус диких трав любви.

В сплетении душ
Обретаем единство тепла.

Приветствуй Венеры восход.

Посмотри,
Как бросают зависть сады
Неоновых пресных
Ламп,
Растекаясь по снежной груди
И мраморным бедрам твоим.

Город умер, природа сердца
воскресла.

Как стройность птиц, зимующих вдоль Нила

Твое внимание, в прохладной влаге губ,
Мостом Ириды проложило путь
К Кастальскому ключу.
В постели серебристой сестры Солнца
Льняной гармонией раскрывшись,
Ты привлекаешь взгляд искусства,
Как стройность птиц, зимующих вдоль Нила.
Потушим дня свечу.
Пусть опалются горизонты зрелой вишней,
Пусть ночь течет по телу вязким воском.
Дай повод мне к парнасским снам, напутствием
Неудержимых плавных линий,
Чтоб Аквилон сменил холодный стон терпенья
На винный
Поток с побережий италийских,
Ведь пост мой,
Что жаждой сердце высек,
Обречен в тебе на жертвенность мгновенью.

Ощущение музыки

У меня есть музыка,
Зачем мне что-то еще.
Шары по лузам
И раствориться ночным плащом
В мелодике и созвучии
Теплого снега,
В горячем

Девятого неба,
Перводвигателе
Нотных шагов вселенной.
У меня есть ритм
Февральского тихого часа,
Он вьюгой изломлен,
Он спит
На подушке белой
Души.
У меня есть жизнь,
Скрипичный ключ
Чье-то незримой воли,
Этюд океанов грузных,
Симфония туч
Дождевых
Прелюдии ясного поля,
Да миг,
Миг,
Когда я чувствую
Музыку.

Кем ветры выгнаны

Что ты ходишь вокруг да около,
Что ты ищешь слова приглядного,
Посмотри, в небе вьются соколы
Да латают лазурь обрядами.
Они знают, к чему рожденные,
Они знают, кем ветры выгнаны,
И не спросят, замороженные,
Для чего им глотать топи винные.
Не роскошны дворцами-полянами,
А богаты, гонцы, грудью полной,
Изможденной воздухом пряным
Да избитой в синие волны.
Что ты просишь присказки-сказки
О путях, нарезанных глянцем,
Поддержи небесное братство,
Им не знать ли, где звезды гнездятся,
Им не ведать ли туч прохладу
Да лучей багровеющих огонь,
Где пространства бездонного ладан
Оседает падением в Бога.

Обворуем рассвет

Течение ее возбужденных глаз -
Бриллиантовый дождь.
Теплота кожи,
Как шелк июньских лугов.
Свежесть прикосновений -
Изумрудные хвои леса.

Задержим ночь.
Растянем, насколько возможно,
Нашу жажду.
Утопим мгновенье
Друг в друге.

Рви струны, сыграем сердцем.
Раздёнсья,
Скинь полдень стыдливый.
Не важно...
Не нужно...
Все можно...
Безмерно...

Смотри, как тени игривы.
Ищи меня в ливне
Лунного сока.

Обворуем рассвет,
Продлим холодный блеск ночного солнца.

Обнажи свою грудь приливу нежного света
И ласковой россыпи
Звездных песков.

Песни Эдема

Дрожь свечи
льется на волосы
расплавленным золотом.

Ты выходишь из шелковой тени,
словно нимфа речная.

Юные розы роняют свой цвет
к твоим ногам.

В нежной груди –
сладость полночного голоса,
струны ветра волнением
отвечают.

Меня уже нет,
я исчезаю тягой к губам,
где яблочный сок, черемуха, вишня
тают мартовским снегом.

Танец света –
медом по жемчугу кожи.

Души бездорожье
снова слышит
песни Эдема.

Тепло февраля, пластика сна

Сон мой ложится хлопком февральским,
в нем твоя мягкость
сплелась в узорную ткань молочных дорог.
Белые духи,
пухом небесным осыпав порог,
мне предлагают умыться метелью.
Иней кутает руки,

щеки, глаза, волосы.
Найтие льда
скрипкой водит за дверью.
Импровизация моих надежд,
дрождью воздуха,
срисует тебе шерстяных одеял
уют, когда ты будешь стоять на ветру.
Сон мой падает между
твоих пальцев
лилейным песком свежести.
Сегодня приду
в твои эфирные замки,
без спроса, без приглашения.

Возгораньем вина, дымом лунного луга

В бальзаме вина растворяются звезды.
В мелодии ночи – блаженство слуха.
В цветах поцелуев ищем друг друга,
находим объятья касанием лени,
везде опоздав, мы успели ко времени
нежности поздней.

В постели лунного луга
веет пряностью трав,
миндалем и корицей твоих волос.
Сливки прохлады стекают в ладони,
в лед родников одеваются воздух.
Росою созвездий впитав
семя вселенной – искру любви,
мы отчаянно тонем,
доброй волей
разбивая разума посох.

Выверни мое сердце, смотри
там блестящие косы заката,
там морского распутства полчища,
там крем снежных гор и салатное
лето под солнечным соусом,
в притяжении его икон,
возгораньем вина,
дымом лунного луга,
слившись друг в друга,
сочетаем ночь,
расстроим заботу о снах.

Слезы нордового ветра

Испеки мне лето пряное,
Пропитай его медом солнечным,
Здесь под вьюгою, сухой пьяною,
Что впрягает сны диким полчищем
В стынь сугробов, мне совсем не спать,
Мне совсем не пить да не пить свет-сок
Из утробы дней, что чернуха мать
Нарожала лихом, наблевала в рог.
Но, а ты не плачь, не сади уста
В горечь острую да глухую боль,

Я тебе нектар с мятного листа
Окроплю на грудь лесной тишиной.
Наскребу тепла с нежно-мертвых рук,
Обниму в прибой свечки гаснущей,
Слышишь, милая, льется колкий звук,
Ледяной аккорд, смертью пахнущий.
Но забудь о том, не на том стоят,
Не с того дышать нашим встречам вновь,
Опрокинь мне в боль хмелем летний сад
Да дурман любви, что дурман цветов.
Тропы ясные, заплутавшие,
Слог подкошенный, хоть еще кричит,
Мысли буйные, хоть уставшие,
Сладость новая да, как встарь горчит,
Только ты жива, как и некогда,
Только ты жива, моя светлая,
Только ты видна из-за облака,
Из-за серого, одинокого,
Беспробудного, беспросветного,
Когда зимний стон мажет петли мне.
Как и некогда, моя светлая...

Проникающее ранение

Зимнее проклятие,
леденящий зной
открывает во мне
двери сонной океанической бездны...

Как хочется сбросить этот подвальный мех,
обнажить остроту восприятия
и бегать ветром по траве,
собирая солнечный смех
на ресницах, льющихся пылью...

Проникающее ранение –
декабрьский горизонт лезвием
бесконечности...

Слушай пустыню вечернего моря

Я хочу рассказать тебе о ледяном закате на море,
Погребальном костре угасающего дня
На лимонно-свинцовых волнах.
Я хочу открыть тебе секреты соленых ветров,
Путающихся в мягких волосах,
Тех, кто провожает одухотворенным взглядом новобрачную лунную стежку,
И распустить золотым танцем шелковый песок, радующий обнаженные ступни
Влюбленных в свет звездной пшеницы.
Забудь, забудь кто ты и зачем ты здесь,
Воскреси в памяти беспечность и вседозволенность девственной природы ночи.
Тени крадутся рядом, тени наших желаний,
Здесь и мотыльки огней телесных сновидений,
Раздувающие свечи плотских грез, солнце недостроенных воздушных замков.
Знаешь, я хочу рассказать тебе, о том, как ты мила в эти минуты,
Как я боюсь потерять нить этой летучей действительности,
Возбужденной ароматом любви, постигая всю ее хрупкость,
Как я погружаюсь в твое нежное откровение,

И стараюсь уплыть все дальше и дальше,
Глотая сладкий воздух всепроникающий близости.

Предел вдохновения обжигающим холодом

Знаешь ли ты свой предел?

Когда ледяной снегопад в голове,
Горячая сталь в ногах
Замешали дорогу, ведомую
Неизбежным инстинктом дыхания.

Где слабость, избытком силы,
А вера, последнее здание
В разрушенном городе ночи,
В руинах воздвигнутой бездны.

И мертвое одиночество
Ощутимо до хруста костей.

Где тебя не носило,
Ищущий нить границы,
Чтобы заштопать сердце поэзией...

К Ренуару

Я дышал исступленным ветром в окрестностях Ментона.
Собирал светлую грусть в сапфировом взгляде Жанны Самарии.
Меня нежили капли алмазной воды с розовой плоти юной купальщицы.
Я пьянел от красок на балу Мулен де ла Галет.
С полотен художника льется огонь вдохновенного мира...
Ренуар, старик Ренуар, если б ты знал ее, моими глазами...

Со дна таинства. Декабрь

Черная вода ночи
медленно заполняла пространство комнаты.
Аромат ладана
оседал облачным призраком
в глазах сна.
Потусторонний свет луны
прорезал окна
тонкими лезвиями серебра.
Тяжелую тишину
разбавлял шелест ветвей
в напряжении ветра...
Здесь играли любовь
в застывшем театре
тени мертвых богов...
Он родился из смерти...
Он пришел из любви к холоду...
Его имя – благословение севера
и проклятие солнца...
Декабрь.

Под наркозом туманного месяца. Волчий бриз

Под наркозом туманного месяца
Холод свесился,
Голод бесится,
Волчий голод.
Ночью крестится
Путь охотника,
Тень свободная,
Воля вольная,
Хмель да солод
Снежных искр.
Свежий след,
Как чистый лист
Для поэмы
Тяги девственной
В туманной вестнице.
Вой да свист
Ветров северных.
Волчий бриз.

Бальзам

Излечи меня от черных дорог в никуда,
от грязных обочин, наевшихся трупным снегом,
от пустых обновлений
весны, где трава
словно лед, не жива,
не обожжена,
лишь припудрена призрачным солнцем.
Вещи становятся вещими,
когда мы больны.
Даль становится долей,
когда в сердце умер огонь.
Я верю в тебя бесконечно
по-детски, смешно, но ведь ты
способна сказать моей боли –
не тронь,
сказать взгляду –
свети молнией августа.
И пусть вечер нависнет усталой заплатой
и разобьется волной о грусти порог,
рядом, всего лишь будь рядом,
какая великая малость
осядет в груди заката
на пепле черных дорог.

Заклинание

Переплывь меня в золото благородной пустыни,
в песке – очищенье,
в блеске солнца – прозрачность взгляда.
Живым потоком ласки
омой мне черствость зимней пощечины.
Лепи из меня, как из глины,
сосуд для твоей священной
лиственной влаги
из роц атласных.
Я люблю, что может быть больше...

Украшенная, лишь собой

Украшенная, лишь собой,
Бросает тень в молочную траву.
Тепло земли вбирая,
Бежит по бриллиантовым лугам.
Амброзией воздушной вкус весны
На губы ниспадает.
Месяц молодой
На локонах блистает диадемой.
В глазах течение
Рек янтарных солнца.
Как из золотого рога
Соблазна жар
В груди ее струится.
Адам, ты где, Адам,
Познай меня, познай, как знают боги!
Она дитя Эдема,
Смерти дар.

Бархатом тает весна

меркнет жерло заката,
курится взгляд апельсиновым дымом,
сонный ветер осядет на плечи...
утони в объятьях серебряных свеч
лунного сада,
слушай пустыню
черного неба,
там поют ангелы ночи,
там прописаны мелом
звездных пророчеств
наши сердца...
по деревьям бежит ток весны...
мы одни,
один на один с поцелуем шелковой тени...
бархатом тает весна...

Чуткость воды

Хор дождя зеркальной стружкой
Разбивается в ладонях,
Скол небес весной простужен,
Март клубится винным полем.
Мы идем, в последнем снеге
Растворяясь, тая блеском,
Облаков густых побеги
Пеленают твоё сердце.
По весеннему атласу,
По развалинам небесным
Уноси водою сердце
На озера снов алмазных.
Обними листья дыханье,
Распусти волос прохладу,
Хор дождя стеклянной влагой
Отзовется в нас желаньем

Свежих песен.

Фантазия

Когда Гермеса сельская свирель
взлелеет сна плоды,
и бальзамической росой
в глаза падет цвет тьмы,
молитва теплая моя нырнет в твою постель,
обвиншись розой золотой
вкруг мраморной груди.
И здесь, умрет в расколе тщеты слово –
скупых грамматик вихрь.
Питая чистой тенью
садов твоих весенних
зной сердца городского,
тобой одною жив
мой демон...

Слалом

Копчу будущность свечой,
колочу лбом в набат,
здравый смысл прессую в ученый балласт.
Ободрав до мяса язык – не сказал ничего,
в сотни миль ноги разбив – не нашел ничего,
а душа то – рукой подать,
а душа то – в тумане глаз запеклась.
Накренившись – упасть не смог,
в слепоте лабиринтов – на ощупь, вновь упираюсь ушибами в дверь,
подавившись – глотаю еще кислород на развес.
Отчего ж бережет несмышленное, гордое, дерзкое бог –
чтоб ее разглядеть среди разбитых окон, сокрушенных петель,
бедолагу-скиталицу, чистую воду небес.

В тишине небесной рубахи

В тишине небесной рубахи
Я услышал тебя,
Услышал, как
Прелюдию Дебюсси,
Каприз Паганини,
Этюд Листа,
Сюиту Баха,
Сонату Бетховена,
Вальс Шопена.
Любя,
Неси
По венам,
Уставшим от ледяной крови,
Невинную,
Чистую
Музыку
Своей нежности.

Соловьиная

Резану по горлу хмелем
Утренней росы,
Эй, вставай, рассвет звереет
Да поет псалмы.

Я зарею бесноватой
Покалечу грусть,
Мне сегодня снились златом
Соты твоих уст,

Обоюдно сладким пленом
Нежные глаза.
Знаю точно, знаю верно –
Это не спроста,

То, что видел, то, что чует
Сердца снежный ком.
Я сегодня заврачую
Боль дурманным сном.

Эй, уж неба плац высоко
Светит наяву
Грезами онас.
Хлестану по пальцам соком,
Падая в траву
Твоих вольных ласк.

Нежность

Нежнее, еще нежнее...
прикоснись ко мне наготовю лилий,
распустишь орхидеей в лунных тонах,
золотыми чашами губ зачерпни вино рубиновой ночи,
мерцанье огня опрокинь в созвездия рук,
флейтой ветра разлей в волосах жасмин и лаванду...
я подыграю.

Предчувствие. Март

Агония дыхания зимы –
Снег цвета кофе с молоком.
Март зреет водным колером.
По воздуху рассеян женственности вкус.
Ластится дым
Небес за тающим окном.
Рассвет кипит лимонным морем,
Солнца мусс
Питает предвкушенье,
Кружит янтарной молью
В разметках городских.
Вновь обретает искушенье
Силу для двоих,
Что за руки держась,
Чуть сдерживают чувственность весны
В глазах, дрожащих глубиной васильков –
О, легкомысленная мудрость.
В их душах колкость льда давно сдалась,

Расплавлена нагим
Движением песков.
Они, они проснулись.

В лесах мелодических Феба

Ожиданья приносят свежесть,
тем, кто терпит с любовью в груди,
тем, кто болен хронически
легкой, хрустальной весной,
тем, кто знает, что впереди
ночь расстилагает меха своей нежности,
словно сады Семирамиды
сходят тенистым ладаном,
словно новой Трои величие
сводится в стенах объятий.
Ты спросишь, где наша новая ночь
свила себе гнездо,
я отвечу, беги, беги
по волнам Вергилия, ветрам Гомера,
снам Овидия, Мильтона рощам.
В лесах мелодических Феба
найдешь тот потерянный край,
легендарную веру,
где наша ночь
обретает приют.
Питай воплощение страсти далекой строки...
Молись, моя лунная жрица, читай...

Цыганочка

Как не загнать души да не выгореть,
Все застать зарей да не пасть в закат,
Не своей ища скупой прибыли,
А на размах полей по сердцам ковать.
Как не вырвать глаз да все разглядеть,
По любви одной век точить ножи,
Шумной осенью за листвою гудеть
Да дождиной течь под наклон души.
Моя братия беспробудная,
Вас ища в толпе, как не стать толпой,
Как не выплеснуть влагу блудную,
Той единственной сладости ночной.
Как простить себе обещания
Бросить пагубу да заносчивость,
Как не сбить о боль круг дыхания,
Знать о том с руки одиночество.
Много дел кипит, в котле плавится,
Много дней жужжит полднем августа,
Только встать бы в тень да расслабиться,
Рукавом небес все управится.
Истина ль в вине, истина ль в семье,
Эх, душа моя, черт там разберет,
Перед смертью все мы наедине,
Лишь в замочной щели счет ведет Господь.

Закат Филадельфии

Дождь набивает Pigs on the wind Pink Floyd.
Вчерашний вечер взрывается облаком памяти.
Сырость не так уж страшна, когда меня ждет
Щедрость твоей ласки, блеск влажного взгляда,
Мед и молоко наготы, звездного сада
Плоды в горячих руках...скоро...скоро...лишь дай мне
Терпением скал прибрежных стоический дар.
Небо провисло в окне
Ветошью смуглой.
Одиночество расставания нам
Катализатор нежного света.
Вспомни интимные сети парковых хвой, фонтанов пудру.
Вспомни закат Филадельфии.
Я буду
там...

Осязаемо к свету

Вальс ласточек под ситцем небосвода,
душистая лазурь весны в разлив,
творожные заливки облаков,
как краски обновления души,
облепленной подснежниками дикими.
Безжизненные черные сугробы,
нагих деревьев сеть,
да прошлогодних трав соломенный покров,
начесом бледным радовать спешит
усталый глаз и блики, блики, блики...
Везде маячит отражением тепло
твоих надежд,
твоих молитв
в сердцах сближенье.
И по утрам светло
и воздух свеж,
и смерть не смерть,
а лишь перерожденье,
лишь предсказанья миг,
пророчество к любви...

Нитью накаливания

Как молоко глотаю туман охрипшим горлом.
Переболеть, перетерпеть и снова, по нотам ударив
винной струею,
искры плевать из-под молота
сорванных связок...
Скручивай, Господи, нитью накаливания
сердце мое,
светить ему, где еще завалился
черный уголь ночного сна,
биться стеклом да резать себя блеском...
Кто он, что ушел или остался
на поверхности дна,
на дне неба,
не все ли равно, если сам к себе честно,
если сам к себе без уверток и жалости,
опрокинутый крыльями облачными

в бездну собственных страхов, теней, откровений...
Как брагу вдыхаю мокрый асфальт прокуренным ртом.
Перетерпи, переболей,
сохранив, удержав в себе солнечное,
опалившее сединою в сомнениях,
но растворившее на потом,
ранами,
узоры теплых морей...

Двадцать четыре часа. Безвозвратно

Конец марта.
Душою синей вольготно.
В права заступает весна.

Утро бросает свет на ложе из шерсти лесной.
Плетусь разрезами рек, пою шуршанием трав...

Вечер тенью багровой разводит мосты за спиной.
Тянусь сечением рек, разливаюсь шорохом трав...

День прошел...я стал старше на двадцать четыре часа...
Безвозвратно...
Бесповоротно...
Памятью став...

Срисую чистую полночь

Помнишь,
Как разливается морем
Вселенная Айвазовского.
Миг
И день наполняется легким воздухом
В дыхании кисти Моне.
Обнажи свой взгляд
И разойдется пряничным солнцем
Девственность форм Гогена.
Сны
Преломятся нежностью,
Словно линии Рафаэля...
В памяти глаз, рук, губ
Срисую чистую полночь,
Звездами поднятый сад -
Краски весны
На полотне для двоих...

В тишине моих слов

Моя любовь,
парное молоко волос,
сок бархатного вина на губах,
снежно-облачная легкость рук,
дыхание луговых цветов в груди...

В тишине ее глаз -
ночь
наедине,

проникновение звездного ветра...

Поверь,
это,
как увидеть море в последний раз,
это,
как встретить небесного ангела в горах,
это,
как девственная музыка лесного источника...

В тишине моих слов –
сны о ней...

Неделимость

Сад уснул.
Смолкли искры цветов.
Целебная ночь
тасует вещие сны.
Ласка жемчуга
падает с неба.
Густая лазурь озер
выдыхает шелест
теплой волны.
Хлопок травы
растворяется ладаном.
Пауза, охватом
в полноту бытия.
Ищешь ли, с кем разделить
мягкость лунного сена,
золотое безмолвие сердца?
Никто не придет,
не нужен.
Сеет пряным туманом
темная влага.
Мне с лихвой...

Фигуры Байкала

Скалистые уста побережья
целуют небесно-голубой бассейн.
Бальзам бутылочных елей
сквозит дурманом.

Пеленают туманы снежные
хрусталь воды.
Мед да хмель
лугового бурьяна.

Богом подброшенный в небо
валун пустоты,
разбавляемый редкими
жидкими перьями
облачных меток.

Зеркала
древних шаманских камней.
Священная тайна

пространно дрожащих мелодий.

Аспиды ущелий.
Закатов янтарных каналы.
Щетины полей.
Степное скитание
ветра.

Волны
Байкала.

Философия цветов

Полдень шелушится желтой стружкой
На окно в разводах снов зимы.
Как горячий воздух кабака, ленив
Выстрел взгляда, в ток свинца запружен
Головы сосудов, кипит пылью дорога...
Каждый день – смиренное молчанье,
Каждый час – еще одно немного,
Сброшенное времени плечами.
Завтра предвещает роскошь новизны,
Завтра видится не сношенными фразами,
Только плачет горькой очередь весны,
Все это случилось не по разу,
Все это предвиделось не раз –
Снять мерок и пророчеств грозы...
Полдень, как янтарный дикобраз
Колит солнцем, тлеет мыслей пласт
В точку алую –
Куплю любимой розы...

Двери в желтую чешую пустыни

Я видел желтую чешую пустыни,
раскаленную добела.

Следы змей, ведущих
к четверке людей,
что сидели напротив друг друга,
склонившись над солнечной дюной,
поющими
про горячую винную страсть
высушенных небес.

Там была женщина,
что кружилась танцем невесты,
обрученная жаром песка.

Когда издалека
вышла тень,
тень воина,
день клонился
к закату,
и грустью полной
луны
погребал в ущелье ночном
горящие голоса,

поющие о любви
и братстве таинственных муз.

Не забудь, о чем просит мой ветер

Не забудь, о чем просит мой ветер,
Когда нежность пылает тобою,
Когда вслед за разлукой светит
Вдалеке мой очаг к твоей боли.
Распахни мне тепло твоей кожи
И горячего взгляда солнце,
Мы еще один день подытожим
К скорой встрече ведущий по звездам.
Виноградников южных сети
Нам сослужат постелью сладкой,
Не забудь, о чем просит рассвет мой,
Когда ночь догорает украдкой.

Внутриутробно

Сжимаясь до состояния пустоты,
Ступаю по дну неба.
Опустошение вносит ясность, четкость
На призрачную свободу передвижений.
Февраль латает зимние бинты
Промозглым мелом.
Какая легкость,
Господи, и с тем, какое жжение
От недосказанности.
Лица, те же лица на монотонной
Чешуе попутных кадров.
Седое солнце греет будущими винами.
Луна потягивает праздность
Сном, иллюзией полночной смерти.
И что-то ускользает тенью алой
Закатных нимбов.
Мир сдавлен, стиснут, сжат
До состоянья комнаты,
Обклеенной обоями души,
Проваленной в дно неба,
И ожидающей знамений, меток, шрамов.
Тряпичный снег, февральский авангард,
Творцом-метеорологом намолотый,
Дорог растрепанных коржи,
Деревьев белых вены.
Моя любовь жива, пока сочится рана
Сердечных родников.

Жертвенник

Через страданье и боль
Познанье души –
Вот чему учит древняя мудрость войны.

Кровь на клинках
Возбуждает жажду
Убийства.

Кровь на руках
Пробуждает сердце.

Солнце врачует раны,
Восходом-закатом
Листая время.

Тени
Ползут по горячей земле,
Тени принявших смерть
От руки судьбы.

Бой не окончен,
Пока не насытиться
Заповедь черного неба.

Четки

Считаю дни, как мелочь по карманам,
На пыли времени завариваю чай,
Тасую ожидания, все рано,
Срок нахожу, но говорю – прощай.
Седой февраль шипит из подворотни,
Весна придет, все обратит водой,
Растянет день и будет воздух модный
Хмель орошать над ветреной главой,
Считай лишь дни, но циферблат балластом,
Как у Дали стекает в мысли крен,
И ожидания становятся опасны,
За сроком давности нет дел до перемен.
Я загадал, а время воплотило
Постскриптумом – когда уже не в масть.
И пробую, стакан души закинув
К сегодняшнему солнцу дном припасть.
А там ведь что-то есть и что-то греет,
И движется, толкается, поет.
Считаю дни молчанием и верой,
Что этот счет не здешним отдаст.

Самовозгорание льда

Распласталась душа
Во все тяжкие,
Собрала по оврагам
Все горькое,
Расписалась слезой
На бумажке
Да сожгла ее
Звездными токами
Обнаженной ночной
Вакханалии.
Не руби ты мне стрелы
Пред богом.
Моя осень золотом тает,
Когда слякоть лезет под ноги...

Совокупление жизни и смерти

Выжженная огнем земля
Выдыхает тлением мертвой плоти.
Слюна заката капает кровью
На стаю шакалов
У лезвия горизонта.
Легкий ветерок
Скользит тихой лодкой
По теплым барханам
Вечернего золота.
С неба осколком
Новорожденный алмаз луны.
Совокупление жизни и смерти.
Зачатие ночи в утробе войны.
Пуля под сердцем – пища для сна.
Надежда на воскресенье.
Рождение тишины.
Остановка дыханья одних
Не повод совсем не дышать.
Время продолжает плескаться
В бассейне
Памяти,
Напутствуя миф.

Попутчица

В осколке лунной свечи
подари ему
немного любви
пьяных вечерних бульваров.
Пока он еще на плаву,
пока он еще рисует
рукой по небесному атласу,
пока фонари
распускаются дымом,
молящим, что завтра
не существует.

Мост в Аржантее Сислея

Мост в Аржантее Сислея
Бережет свои крошки-лодочки
Радугой цвета небесного
В преломлении свежей зелени
И душистой облачной пены.
В дреме домов-коробочек
Рябь водяная стелется
Зеркалом серебристым.
Теплый воздух застольный
Хмелем кружится степенным.
Мирный полдень расклеенный,
Развязанный, светом пудренный
В сердце лучом отразится
Наших летних историй.

Юродивые

На лазурном зеркале
молочный мех.
Две фигуры держатся за руки.
Первая дрожит, как ветра смех,
у второй, надломленным крылом,
подступается движений сухость.
Слышится прозрачный звон
колокольчиков листвы.
Струится карамельным вкусом
солнечный янтарь.
Фигуры ковыляют вдаль.
Взгляд наивно бродит
в синих водах
неба.
И расстроенной струной
шепчут перекошенные рты.

- Ты со мной?
- Не знаю.
- А куда?
- Повсюду.
- Я боюсь легко, ведь ты со мной?
- С тобой. Ты будешь...
- Раз, два три, четыре, пять...
- Пора на ужин.
- Мне не нужно.
- Нам одним гулять не можно.
- Осторожный...
- Ты ведь меня любишь?
- Да, как ты...

Проносится полей безбрежных
вихрь
под простотой послушной,
сливаясь вечным детством.
В халатах снежных
из палат своих
восходят в Царствие Небесное
потерянные души.

Освобождение в обездвиживание

райским бризом
вечерних морей,
нектаром блаженного сна
успокой
мое самосожжение
в мятежных мыслях...
изведи меня
пляской теней
на старой стене,
до полного дна
наслажденья
тобой...

Золотая пыль

Руины времени.

Резные херувимы, покрытые золотом.
Багряные ткани.
Медный жертвенник.
Литые подобья волов.
Десять янтарных светильников.
Цветы и лампы из самого чистого золота.
Где твое великолепие?
Покоится в песнях.

Хлеб и вино

Хлеб и вино –
семя земли,
тело и кровь
Христа,
субботняя трапеза
алкогольной братии
у алтаря подъезда.
Звезда Вифлеема
отражается в лужах глаз.

Кофе, блюз и немного тоски

Кофе, блюз и немного тоски.
Сталактиты неона с экрана.
Сigaretная дымка.
Рваная
телефонная трель.

Как избито...

Осенью сшитое
карнавальное платье.
Боже, как кстати
усталость грязного неба.
Грация беспросветного.

*** (восход был тонок)

Восход был сладок,
Тонок,
Обжигающе доступен
Естеству.
И беспорядок
Простыней
Укутал наготу,
Что в ласках утомленных
Спряталась в твой сон.
Я проводил
По райской коже
Трепетом ладони,
Срывая плод
Любви...

Дикая лань – душа

Дикая лань – душа,
Как самоубийца
жмет на курок любви,
Губы в пыли,
но все еще шепчут:
люблю, люблю..
и проклиная
саму себя за любовь.
Что же ты, вечная,
просишь того, что стегает тебя
розгами самообмана.
Мало?
Поддайте еще
ненасытной до боли.
Дикое поле да дикая лань –
душа,
самосожжением лишь и жива
в море сомнений,
в мистике собственных снов.
Что ж ты, крылатая,
словом молитвы грешишь,
алчешь пред небом любви,
когда она
ждет тебя в сердце твоём
вихрем слепой не растраты.

Тетивую дождя натянулось осеннее небо

Тетивую дождя натянулось осеннее небо,
Скороспелой прохладой придушена пруть цветоряда,
По расщелинам туч ухмыляется солнечным бредом
Твоя скорая смерть, бездыханная летняя сага.

Философия дней обретает наружность бессрочную,
Обещания гаснут, надежды преполны забот,
Не жалею о минувшем, пусть время расставит все точки,
Не томись о грядущем, провиденьем справен Господь.

Темнота наших душ еще более стоптана ночью,
У обочин трава, словно пепельный ветер трубил,
Не скорбей о грядущем, пусть время выстоит очередь,
Не ищи чужих истин, чтоб сердце свое не забыл.

Где душа твоя ждет моих ветров степных?

Сгусток лунной печали
В бездонности взгляда.
Я ищу свою тень в твоём сердце.
Тишина на устах
Ожерелием льда
Облеклась, в немоте восхищённой.
Мне приснился огонь,
Мне привиделся храм,
Где любовь возносилась невестой
К алтарю созерцания
Горных вершин,
Что покоят Эрос пленённый.

За кристаллом дождей
Я несущу чашу сердца,
До краев воды святых слез.
Раскаленное солнце –
Дурман желтых дней,
Я свечой догораю рассветной.
Ты опять за спиной,
Молчаливая стать,
Да безмолвный свидетель – вопрос,
Где душа твоя ждет
Моих ветров степных?
Что тобою гонимы по свету.

Корабль-призрак

Кораблем-призраком
Качаюсь на волнах раскаленного асфальта,
Опереваю числами,
Датами, перевожу дыхание времени калькой
Озябшей души.
На развилках встреч, на ветках тугих расписаний
Верую в жизнь,
Что мне ядовитой рекламной слюной на доске могильном зарисовали.
Провисаю ветром
Звонков, переговоров, отчетов, контрактов с любовью,
Строкой Интернета
Огонь, познавший себя, приспускаю в невольную волю.
Объятием сна
Вспоминаю янтарь свободного солнца, что капает в хмеле лазурном,
Закаты до дна
Кипящего моря, да перышком счастья призрак-корабль безрассудный.

Бродил туман

Подмышками подъездных спутников,
Огрызками дворовых фонарей,
Бродил туман вопросов и ответов,
Да жил ответ, лишь знавший прозу дней.

В хромых садах, изъеденных под серу,
В кислотном сне оплеванных небес,
Бродил Христос без истины и веры,
Да чахла вера в каменный прогресс.

Но упаси вас боже сомневаться,
Но упаси вас не желать прикрас
Холодных свеч неоновых плантаций,
Что печат пустоту прибитых глаз.

Но не к лицу искать других отдушин,
Да не пристало греть дешевый лоск.
Бродил туман, тяжелый и натужный,
Да жил ответ, не ведавший вопрос.

Северный ветер

Северный ветер, простуженный голос

Треплется судорогой в кронах деревьев,
Словно незримой громадою, волость
Льдов заполярных несет нараспев.
Точит прожилки воздушных степей,
Иней под кожу – знамение в стойкость,
Как ловчий солнца холодных кровей,
Будь ему встречным, да вьюгой умойся.
Ночка осыплется льдом звездных сфер,
Лунный извозчик хлестнёт вороных,
Нордовый ветер в закрытую дверь
Нервом вопьется крыльев стальных.
Нордовый ветер причалит к груди,
Да по ладоням прольется в озноб,
В нох бездыханный надеждой смердит
Дух Соломона – и это пройдет.

Святая любовь

Где рождается свет благородной борьбы
Дня и ночи,
Где летят корабли по холодным волнам
В бесконечность ветров,
Где поэзия солнца и музыка звезд
Плетут многоточья
На бумаге души, там нашла свою пристань
Святая любовь.
Где возносятся храмы скалистых громад
Над святилищем волн,
Где рукой демиурга разносится быль,
Что из сказки сошла,
Там бродил музыкант потерянных нот,
Да кружилась орлом
Вдохновенная вера, словно память свою
Обретала душа.
И примкнувши к огню цветущей молитвы,
Одевалась в луга,
Предвещала затишие диким садам
Неспокойной судьбы,
Да осталась петь флейтою солнечных рек,
Поднимая со дна
Недосказанность мира, да ветреность слов,
Воскресая в любви.

Прозрачное восприятие

в шафрановых снах
пьет осень дожди

отменна
холодная песня
сладкоголосья

одинокество вдвоем,
расскажи мне своим сердцем
про полуденную страсть

хмелем душистым в устах
растворилась нежность твоя,
капля за каплей

прожаренный выхлоп июля,
плеть Диониса в локонах солнца,
печалью в дорожную ленту
дыхание бездны

сжигая свет в груди,
растаяв лунной дрожью,
на маркерах тепла
пролил елеем память

Я мусорю стихами осенней икоты

Я мусорю стихами
осенней икоты,
Промокшими губами
слизывая воду
Улочек черных,
подвалов топких,
Стен холодных,
разметок асфальтовых.
Мой мир собирается
мозаикой бетонной,
Я производная
этих проклятых
Желтых пальцев
городского звона.
Я прижимаюсь к груди
дохлой надежды,
Мусоря стихами
осеннего шороха,
Но сердце без огня,
как герой без подвига,
А если не верится,
значит, грешен.

Нищета

Нет у меня золота,
Нет у меня серебра,
Одна лишь ветхая степь,
В наследство от Господа Бога,
Я умываюсь холодом
Ветров нового дня,
Мне нечем и незачем петь
Кроме, как в струнах дороги.

Я не стерегу покой,
Границ не отмеряю,
И всякому встречному рад
В глаза заглянуть огнем,

А если ты дашь мне бой,
Приму без раздумий, знаю,
В свой час и свой набат,
Да все мы печаль найдем.

Нет у меня шелка,
Нет у меня бархата,
Одно лишь рваное небо,
Что скользким дождем сочится.
Но в этой глуши, также громко
Сердце стучится сватать
Дорогу с холодным ветром,
Что ветхой степью ютится.

Помни

Миром правит ненависть,
Но его же спасает любовь,
Любовь – это ты и я,
А может быть, что-то больше,
И если недавно верилось,
Значит поверится вновь,
Пусть даже чья-то рука
Фальшью вспорола кожу.

И если спасение в нас,
То кто отвратит эту веру,
Ведь с каждым движением вниз,
Мы снова готовы взлететь,
Пойми, что здесь и сейчас,
Для большего – слабая мера,
Мы встанем на тонкий карниз,
Но ветер расставит сеть.

Зороастр, Ахурамазды пророк

Над огнем возносясь дланью Слова,
Что вдохнул Господь Мудрость в уста,
Колдовал антитезой добра
И сраженного зла,
Меж которых
Мир рождался борьбой двух начал.
Сокрушая молитвой огня
Демонический сонм,
Вторил Имя,
Что есть Все и превьше Всего.
Так легендою Веры всходил
Колос мысли благой
Средь иранских
Иссушенных пустынь и нагорий,
Что земля азиатских гепардов,
Зороастр, Ахурамазды пророк.

Иуда Искарriot

Я, Иуда, кровь на мне Христова,
Но в устах предательских

Прощенья острый крик,
Дайте слово, только дайте слово,
Его волю претворял в тот миг.
Под звездой пророчества, исполнить
Поцелуй продажный, был рожден,
И теперь, лишь он судьбу напомним,
Тем, кто этой жизнью облачен,
Черного апостола Иуды,
Бывшего с Иисусом в Свет и в плен.
Сожаленья, лишь молю, и будет,
А проклятьям я уже смирен.

Откровение Иоанна

И когда снял седьмую Он печать,
Безмолвием покрылись неба своды,
Семь ангелов, стоящих перед Богом,
Семь труб держали, чтоб оповещать
Конец и трепет всей мирской породы.
И ангел взял кадильницу, наполнив
Ее огнем с золотого алтаря,
И в дым его окуталась земля,
Поверженная в ужас гонга молний,
Землетрясений и сошедший град огня.
Как только первый ангел вострубил,
Багряной кровью проливая дождь палящий,
Деревья треть спеклась в поток кипящий,
И улетучился травы зеленой ил.
И второй ангел вострубил тогда за ним,
И в пламене гора низверглась в море,
И треть морей умылась свежей кровью,
Треть тварей всех и парусов уснули сном.
И следом ангел третий явил волю,
На зов трубы звезда с небес упала
На треть всех рек польною плодородной,
Горящая светильнику подобно,
И сделалась вода горька и вяла,
И люди падали от горечи наводной.
Четвертый ангел вострубил и треть светил
И солнца и луны и звезд искрящих,
Затмилась, и средь неба глас разящий,
Что ангел пролетающий разносил,
Кричал, о, горе, горе в настоящем,
Всем на земле живущим от трех труб,
Что ждут свой час, в наставший Божий суд.

Великое Безымянное

Ты не узнаешь Его,
Когда Он придет созерцанием светоподобного моря,
Просто ты не узнаешь Его.

Ты не узнаешь Его,
Когда Он омоется в тени вселенной звездной росой,
Просто ты не сможешь поверить глазам.

Его небеса
Отворят твоё сердце,

Но ты промолчишь и укроешь
Лицо от Него
Осенней промокшей листвой,
Промокшей от слез,
Что не в силах постигнуть величие унижения,
Которое жертвуют длани Его,
Прикасаясь к столпившейся тьме.

Вот же они, шершавые руки спустились на плечи
Блаженных,
Но ты не узнаешь Его, так как хотелось тебе.

Ласкающая магией тела

Ласкающая магией тела,
Очерченная огненной плотью,
Прикованный взглядом, пленный,
Я режу тебя на ломотья
Соблазна и вдохновенья
От хищного, дикого бреда,
На кротость в податливой неге,
На буйство волны нетерпения.
Припала к любви покорностью
Дрожащая сладость Венеры,
Проженная вседозволенностью,
Ликующая танцем тела.

Грация сновидения

Мне кажется, ты знаешь, что мне снилось,
В густой траве, в цветных хмельных лугах,
Когда слезой речной душа катилась
К твоим объятьям и в твоих руках
Венком сплелась из солнечной приправы,
Открыла взор и задышала в сказ,
Мне не хватало, как мне не хватало
Всей этой нежной краски твоих глаз.

Мне кажется, ты знаешь, что я видел
На алом полотне цветочных уст,
Я видел нежность дорогой и милой
Дороги в сад, сад позабытых чувств.
Я плакал солнечным, тепличным ярким светом,
Я освещал пустыню мглы ночной,
Мне кажется, ты знаешь песню ветра,
Что мне принес в ночлег святой покой.

Пляски духов

Дождь спадает пьяной лаской,
Над паутиной изумрудного леса
Небо бредит хрустальным вальсом,
В зеркале глаз
Светлая грусть летнего хора.

Ночь поглощает тяжесть глаз,
Тишина врезается в сердце лунной симфонией,
Я умираю в горьком звездном облаке спящей птицей.

Мои вольные песни превратились в холодную сталь,
Мои направления обрезаны скупым размахом крыла,
Крыла, обожженного лучом солнца в щели окна.

Мы смешали в тихую гавань все реки,
Мы забылись отчаяньем моря,
До прибоя тысяча лет,
Мы молчим в совершенстве любви.

Раскрась меня в черное,
Я буду, как ночь
Падать на крыши
Звездной метелью
Забвенья и пустоты,
Разрываясь прерванным сном.

Сомкни объятья шелком вдохновенья,
Что устилает путь во тьме густой
И наполняет душу краской неба.

Плоть Евы

Нежная плоть Евы
От любви превращается в мед...
Адам собирает сливки
С ее янтарных волос
С ее змеиной улыбки,
С ее огненной кожи...
Ева спадает в закат
Благоуханием роз.

Из плеяды моего сердца

Где-то на одиноких полях
погасла звезда
из плеяды моего сердца,
Где-то там
исчезло дыхание
в слезах
росы небесной,
Где-то там, где-то там...
Проросшими шрамами
изрезаны тропы,
отмерены сроки и даты,
Нескошенными травами
погребена судьба
полночного брата,
Вечного спутника
памяти ясной...
И промокший голос

шепчет ему
прощальной молитвой
лунный гимн,
Ты не один
в сиротливых полях,
с тобой дыхание
моих уст,
молчаньем сокрытых
в чуждом взгляде
разлуки..
И руки мои
еще знают, что ты где-то рядом..
Слышишь, но спишь, зарею укрытый..

Боль утихнет и останется, только лесная молва

Я схожу
На берег любви.

Я целую песок
И глотаю свежий ветер открытий
Нового неба в твоих глазах.

Моя вера
Крепнет твоей мечтой,
Когда теплое лето
Разносит нежность в крови.

Боль утихнет
И останется, только лесная молва
В моем сердце.

Я прочитаю историю
Солнечных красок в твоих волосах,
Я распушу их цветами,
В благоухании этих роз
Шипы
Покажутся мягкой постелью
Изумрудного леса.

Слуги
Любви
Склонят перед тобою колени,
Охраняя покой твоих сладких ночей.

Я сойду на берег влюбленный,
Одаренный
Слепотой
От свечей
Твоих глаз.

Я хочу слышать, как ты играешь на струнах безмолвия

Я хочу слышать,
как ты играешь
на струнах безмолвия,
только лишь взглядом цыганской души
под небом свободным.

Слышишь, грехи,
грехи, если знаешь
волю
огненной страсти диких сердец.

Под венец
златоглавого солнца
веди свой танец
бурным течением реки,
нет ей конца и начала.

И где-то там, у причала
я одену в стихи
твое ремесло
глубокого чувства.

Если вдруг повезло
отречься от пыли асфальтовых склепов
и нежить ветры
в степи,
то лети
дугой радуги за горизонт событий и нравов
стен городских.

Слышишь, я хочу...
я кричу в твои сети
пойманной птицей.

И мне снится
любовь без границ
и узлов.

Стрелок. Эта пуля жаждет новых мишеней

Под корень вбить себе надежду,
Это значит, даже посыпая голову пеплом,
Находить в себе путь.

Это значит, убить к себе нежность,
Отложив пистолет.

Эта пуля жаждет не сердца,
Что бьется гейзером в твоей груди,
Эта пуля жаждет новых мишеней
и противоборств среди
огненных глаз, озаряющих ночь мистерий.

Курок, как руки продолжение.

Рука в предчувствии смерти
крепка.
По венам кровь
с закваской на жаре.

А, значит не важно
куда стрелять.
Так выбери двери
осажденного Иерусалима

крестовым походом
в любовь.

Священнодействие

Облака наливаются
клюквенно-золотым соком
вечернего пламени.

Вдохновенна печаль солнца.

Непреклонна богиня ночи
в придыхании леса.

Легенды забытого богом
края
оживают
в речных червоточинах.

Порезами
скользит первых звезд
пробуждение.

Колоннады теней
затмевают пороком глаза.

Нас уже ждут образа
расстеленных роц.

Ночь,
как хозяйка
запретной любви
жаждет вести прием.

Мы проводили
горячие ветры степей,
пойдем.

Июль. Уединение в цвет

Я задел солнечный сон
твоих воздушных,
бархатных фантазий.

Я увидел
парящий огонь
в архитектуре летнего праздник.

И не смел
шевелинуть губами,
чтобы не сбить тонкого пения
собственного
сердца...

Зелье августа

Сладкое, нежное зелье августа

капает на язык тела
возбужденной природы.
Мышцы земли пьянит волною тепла.
Небо разжалось
лимонным, спелым
вулканом.
Золотым половодьем
дышит
вечно зеленое сердце лета.
Посмотри,
как вновь
души красота
сливается тождеством света
с нишей
любви
в палящей раскраске цветов.

Сюрреалистическая Мадонна

Сюрреалистическая Мадонна
Благовествует в спину
Солнцем рождения на погибель.
Под хребет холодный
Воздух резинового
Времени в кабине
Полдня.
По стеклу волны
Липкого августа.
Мягкая сладость
Приближающихся осенних десертов
Уродует вкус
Еще зеленой травы,
Пробившей асфальтовый дым
И копоть седых
Выхлопов магистральных змей.
Мысленный уксус,
Сонный елей,
Ветром
Разбазарило время
По бумаге душевных писем.
Мятые листья
Движений
Болтаются в пустоте словесного фона.
Сюрреалистическая Мадонна
За спиной наблюдает
Жжение
В области сердца
От синей краски
Небесных окон,
От лая
Телефонных гудков.
Мне позвонил август.

*** (в мехах облаков)

Слезы радости
в мехах облаков
будоражат

теплую кровь земли –
это алмазный дождь,
купающий твою негу.
Одухотворенная вода,
ветер,
сладострастная дрожь
листвы,
они чувствуют, как ты срываешь
плоды
священного
грехопаденья Эдема.

Неизреченная надежда

Тихая весть.
Светлая скорбь,
одухотворенная печаль
в глазах Богоматери.
Жертвоприношение любви.
Близкая даль
сердца.

Цветок заката

Цветок заката
алтарем взорвется.
Твое дыхание
вольется в тишину,
как ветер
средиземноморский.
Я созерцанием прильну
к нагому небу
твоих глаз.
Не задавай вопросов,
пусть руки скажут
линиями ласки.
Не останавливай попытки
расплесканной луны
лишить рассудка дня.
Лови движения огня
в объятиях безумца.
Пои меня
своим молодым вином.
Душа весны открыта
распушенностью звездных многоточий.
Не обернись,
чтоб не потерять.
Отдаться одиночеству
вдвоем.

Апрельская роса

Капельки алмазной сахарной росы,
с твоих пробужденных губ,
преломляются нежным рассветом.

Цвет весны,

словно чистый лотос,
небесные сети
раскинулись
прозрачной медузой
и ароматом лесным
наполняется воздух.

Дыши полной грудью любви...

Мягкое солнце золотом
течет в твоих волосах,
распущенных пластикой ласки.

Взгляд, созерцаньем раскованный,
розы на влажных губах,
жемчуг на пальцах атласных,
легкости облачный дым,
свежесть мятной травы
в теплых беседах...

Проснись со мной,
апрельской зарей
раскрытая для любви,
растворенная льдом неба...

Пеленай, оборачивай руки. Звездой на поднос

Ветер близости майской,
Будто легкий бархат огня
От пальцев твоих на спине.
Роза солнца взъерошенной пастью
Льет яичную слепоту
Да лед сердца срывает с петель.

Поднеси мне в спасенье нектаром
Теплоту и сладость зари наливной,
Когда месяц потянет в могильник ночи.
Я запомню речного пульса ударом
Влагу взгляда и пепельный твой
Силуэт на краю закатной свечи.

Роскошь близости майской
Осыпает жемчуг с плеч и волос,
Бирюзой свод небесный крошит.
Мы куда-то идем, где, возможно, еще одно счастье
Упадет нам звездой на поднос,
В серебристую вязь дороги расшив.

Ну, а если не так, все равно, по пути,
По душе, по любви и слова – мертвый груз,
Так начертано верой весны в ране нового дня.
Будто нежными мхами огня веди,
Пеленай, оборачивай руки и пусть,
Я в цене слишком скуп, но бесценно что для меня,

То не в этой земле прорастает,
Не этой ждет признательной меди
Луны городской,
Пряности птичьей,

Многоцветности душевной волны..
Расплачусь вдохновением мая
В каштане рассветном
Да небесной тоской золотой
На просторах степного величья,
На сапфирах морской ширины..

Собиратель горизонтов

Я прах, ничто, песка по ветру выдох,
Я собиратель горизонтов и закатов,
Мне пена из подножия Киприды
Смочила слог соленую заплатой.

Я стон тумана, переплавленный рассветом,
Я дегустатор дыма сентября,
Что канареечной звенит монетой,
И разбивается мелодикой огня.

Я беглое, потерянное лето,
Вечерних теней ржавая тропа,
Я отливаю черные куплеты,
Чтоб осветить их пылью серебра.

Я вдавлен в медь земли рукой Его,
В плевки небес, в початок плоти с кровью,
Что ищет человека своего,
Из праха, но с душой живой до боли.

Шепот и влага кофейных глаз

Когда мягким туманом утро падает в окна,
Когда распускается астрой рассветных ласк
Новый день, день помнящий, лишь Твое Имя,
Я собираю надеждой, солнцем сотканный,
Шепот и влагу кофейную глаз,
Шелест травы под ногами твоими
(как я хотел бы сейчас быть этой травой).
Как много времени без тебя съедено пустотой,
Как мало, что нам подарено краткосрочным движением
Календаря. Но это малое и есть истинное,
Но это малое и есть преображение
Мира, созданного во имя твоей близости..
И когда утро прыснет лазурной высью,
Когда рассвет обожжет глаза одиночеством,
Я повторю себе, этот день – еще одно, что приблизит
Меня к твоей ласковой ночи..

На дорогу тень упала. К Андрею Белому

Дикая, пьяная степь
В мертвый простор задувает,
Неба жемчужная сеть,
Пылью душа кочевая,
Взглядом тропы не задеть,
Взгляд горизонтом смывает.

Костью кровавой зари
Прах разбросало по травам,
Режутся алым угли
Глаз и болотом шафранным
Переливаются дни,
Пересыпаются камни.

Вечная, дальняя стынь –
Глубь бирюзового моря,
Ты мне руки раскинь,
Хмеля сонного поле
Ты на меня опрокинь,
Чтоб умереть мне на воле

Да не польститься тюрьмы
Мягких перин, теплых кровель.

Vacuum*

Со мной говорит хлесткая свежесть дождя.
Серебряно-топазные сливки загустевших бровей
городского неба пробуждают роскошь палитры.
Сырость асфальта паром въедается в кожу.
Кто мы, откуда, куда мы идем? Гоген
Всплывает воспоминаньем на киноплёнке проезжей части.
Ленивые глаза витрин торчат обнаженными ребрами
Радужных красок. Лишенная смысла болтовня
Сквозит электрическим ветром в прибое весеннего воздуха.
Список поспешных дел ложится супрематизмом Малевича,
Дел, забытых через минуту, дел, потребных неизвестно кому.
Мне раскрывается утренний вакуум,
Невесомый, словно "прогулка влюбленных" Шагала,
Обжигающий, словно "пожар парламента" Тернера.
Я с ним заодно, я пуст, я вбираю неопределенность, неизвестность,
Многомерность горизонтов, встречных потоков
Вседозволенностью выбора, движения, смысла и любви...

vacuum – англ. – вакуум.

В колодцах парковых прудов

Что нового расскажешь мне, печаль?
Изрытых тротуаров толк весенний,
Крем прошлогодних трав, седая даль,
Хрустящий воздух на древесных гребнях,
Аллей коричневатая плавь в огранке фонарей,
Беспутный ветер на клетях балконов.
И тот же свет луны, больничной желтизной
Текущей по карнизу, тех же фей
Дыхание на улице ночной, бездонной,
И от свободы вин плодящей гульбищ зной.

Что нового расскажешь мне, апрель?
Голодный взгляд прохожего бродяги,
Собачья брань в рассадниках теней,
Дождей слона шампанского прохладой,
Изжеванных дворов кривая сыпь,
Гробы подъездов, листопады окон.

И то же половодье киселем
В глаза разливом смоляным колотит,
Речною складкой ввинчивает око
И выметает взгляд за окоем.

Что нового откроешь мне, мой друг?
Мой старый добрый спутник, грех весенний.
Все тот же плеск, прибоя пенный звук
От неба грузного овчиною нетленной,
Кристалл души в колодцах парковых прудов,
Степенный вечер в лавочках цветистых.
И что же дальше, там, за видимости гранью..
Бродячая с усмешкою любовь,
Алмазная ночная пристань,
И я, несущий сердца раскаленный камень
Чернильной пястью в ветхий дом стихов.

Держись моих рук, беги в мою ночь

Вишневая ночь дрожит на ветвях,
Соль звезд опьяняет смолу сонных крыш,
Зефиры скрипят, раскрываются тайны..
Держись моих рук, беги в мою ночь,
Зажги поцелуй на теплых губах,
Как сок медоносной луны, как разлив
Июльского мягкого лада,
Как хмеля соснового вихрь..
Я буду хранить эту ночь
В прозрачных озерах памяти,
Я буду встречать тебя золотом
Закатных престолов и синей волной
Небесного моря, изнеженным льдом ...
Пророчь, надеждой пророчь..
Сомкни расстояния,
Планы, движения, ноты,
Я сделаю так, чтобы стали огнем
Прикосновения глаз.
Верь мне, перечеркни все строгие клятвы.
Пойдем..
Держись моих рук, беги в мою ночь.
Я с тобой,
Как в последний расстрельный час,
Разбиваюсь о нежности бархат..

Overturning*

Ржавые лужи портят
самовоспитанный лоск отражения гордецов,
так ломает разум коан,
но может, это и есть
истина образа и подобия
послебожественного,
обоженного в печи природы,
забывшей себя.
В мире, где подлинна, лишь
ложь презентации, каждый стремится
играть лучше, но не себя,
так рождается фрактальная геометрия Мандельброта

в социальной плоскости.

Инстинкт потребления изживает качество,
вещие сны подменяются,
разделанным ночным небом, торжищем звезд,
обжорство не утоляет, а нагоняет голод,
на меру уже не хватает терпения
в пределах обступающей скорости.

Круг личности разрастается в точку,
солнце в пятно, если считать каждый шаг
до финишной ленточки.

Золото лета сливается ртутью, если не видеть
в нем, одинокого дыханья ячменно-бордовых закатов,
дельфийского предсказания любви в лесах,
соленой пустоши морского влечения
на диком побережье.

Кружа в паутине мозговых нейронов,
зарываясь в таблицы, графы, значения, следствия,
перерабатывая хлам памяти,
насилуя алкоголем грань восприятия,
синтез слов отменяет одно касание
трогательным мотыльком
с ромашковых губ любимой.

overturning – англ. – опрокидывание.

Reflections*

Весенний снег в плюс десять, кормящий колдовством
паучью сеть холодного рассудка, микробов рядового сна.
Развернутое сердце строкой упанишад.
Тугая нить причин и следствий разрывается хлыстом,
бьет пробуждением по устам,
что вишней новобрачной нырнут в апрельский сад –

взойдут словами без резонов, оснований,
но, содержащими в себе намек природных глаз,
что наша жизнь и наша смерть, лишь данность эпизода,
что наше все – ничто и для всего мы малость,
горсть пепла в турбулентности энергии и массы,
а это – идентично, хоть и спорно,

для созерцания трехмерной простоты.
За нами тащится тень времени, зарубок колея,
мы называем это памятью, нейронных связей пеной,
их миллиарды и у каждого свои,
а значит и история своя,
одноразмерность в миллиарде воплощений.

И наша жизнь, и наша смерть, мгновение, что нами
изложено же нам, уложено в тома увесистых значений,
где между строк пылится вечный смысл тетради.
Мгновенной сладостью ночи заброшенные в пламя
морской пучины бытия, мы коротаем Одиссеем время,
располагаем мнением – куда, но знаем ль – чего ради,

и ждет ли Пенелопы нежный дух, иль верность уж не в моде.
Весенний снег в плюс десять, магия абсурда,
осколки ницшеанского боренья, всплеск души
на стекла послеливневое неба. Лучше, о погоде,

да, лучше, о погоде помолчать и будет,
и будет день, а значит пища согрешить.

reflections – англ. – размышления.

Березовый свет

Березовый свет покрывает глаза.
Хрустящих кустарников кляксы
размазаны ветром.
Тихий разлив апрельского неба.
инициирован солнечной грушей.
Леса молва пернатым базаром
раскинута. Шелест куплетов
травы прошлогодней (карее сено),
остановись, сядь рядом,
послушай...
Лица темнеют, ноги теряют следы,
вещи бесформенны, время отброшено в угол.
Мята груди через край,
облачный дым в волосах –
рви горизонты души.
Лужиц помол, блюдца мутной воды.
Корней выуженных пугало.
Шепот тропинок. Скрипучий сарай
оврага.
Остановись, сядь рядом,
послушай...
Рошица
режется
березовым морем.
Их было двое.
С ними была надежда.

Patterns*

Я смотрю на огранку пространства,
в сотый раз мною узнанного,
в сотый раз с новых широт говорящего об одних и тех же
значениях,
с постоянством,
с укоризной,
с надеждой.
Как часто вещи приобретают смысл
далекий от своего первоначального замысла, воплощения,
очеловечиваются, начиняются атмосферой, дыханием жизни,
музыкой.
И как музыка рождается в переплетении нотных движений,
так в переплетении судеб рождается жизни мысль,
словно борьба с одиночеством в душном автобусе в час пик,
в большом столкновении случаев.
И в этих глазах, от пота и соли влажных,
в запеченных жалостью, рвущей за душу,
я не верю в бессмысленность боли,
в большинстве своем, в будущем, каждый,
получает, то, что заслуживает,
пусть и внешне обманчив собою.
В сочетанье бродячих тонов –

не иметь, то, что любишь, а любить, то, что имеешь –
видится наилучшим,
если вообще осмелишься
на любовь, на ненависть, на веру в ненависть и любовь.

patterns – англ. – выкройки.

Circulation*

Вначале шел снег, искрясь разливом алмазной крошки и ослепляя молоком,
затем распустилась душа ручьев, проклонулся юный малахит, воскресли псалмы леса,
после солнце налилось соломенным жаром, пробился нервом лазурным гром,
вскрылись озера хрустальной влаги, вечер, качаясь на ветреной леске,
обдавал сердечным теплом, и, наконец, расшатанный тон природного бала
вскружился золотом сна, обрядился дождливым листовным свечением, заревой грустью,
а потом опять были барочные этюды снежных призраков, невесомость ренессанса вальсом водных
Мы прошли круговорот состояний, не расплескав первоначальной прелести музыки,
запечатленной в глазах безумцев, забывших о праведности каменных церемоний,
потерявших значение мира памяти (если в ней не ютились совокупные символы),
нашедших оправдание боли в надежде на наслаждение новым
священным грехом сердца под древним покровом Иерусалима.
И вот, уже май крадется шашлычным дымком, ароматом цветущих парков, янтарным вином рассвет
мы стали больше, мы стали ближе, но ближе, как раньше, как год, век
тысячелетие, вечность назад. Шелк трав в волосах, нас скоро венчает лето,
но помнишь, вначале шел снег...

circulation – англ. – круговорот.

Черный бриллиант

Хоть и платья твои порою черны, словно ночи запруда,
Как Матисс, со светом играя, преломлю их в лунные всходы.
Хоть слова и эфирны, как ветра стокрылые губы,
Я в них скульптором высеку солнца пурпурную тогу.
Ты иди лишь, ступай по песку, золоти его мели,
Ты шепчи лишь, теплым дождем в сухие пространства.
Где кончается ум, начинается разум на вере,
Где кончается власть, начинается нежность всевластья.
Обреченным на смерть каждый вдох приносит цветение жизни,
Обреченный тобой, задышаться мне жемчугом лилий.
И когда осенней печалью теряло лето записки,
Между строк, золотом, почерк твой находил я.
Меня плел изумрудной лозой по таинствам Вахх,
Я плескался в руках мессалин, Эрота проказой звеня,
Память – гниль, и слиянием глаз в бирюзовых небесных холмах
Не нашел – что мне встретить, чего не встречал, что ценит, ценнее тебя.
Сохраняй – уют неба прозрачен, день свеж, воздух сладок;
Береги – вечер западом густ, вишней полнится сумрачный сад.
Отшумят города, опуститься ночь на прилавок,
И я вспомню черное платье и черный его бриллиант.

Плачем священного леса

Откройся мне
И разбужу тебя плачем священного леса.
Сыграй со мной
Симфонию нот золотых на плитах горного сна.

Вбери мой покой,
Навеянный черной полночной пьесой.
Я знаю с тобой
Одно лишь слово, поднятое морем со дна –
Любовь.

Веди мою руку
По вечным пристанищам лунных колосьев.
Сжимай мое сердце,
Оно бьется в такт небесной сети дождя.
Я птицей совьюсь.
Я буду с тобой разбивать хрустальные звезды
Под ноги, ведущие
Тропами света, дорогами, что лежат
В наслаждение мира.

Откройся мне
И я доверю тебе свидетельство вещего края,
Где плачем священного леса,
Симфонией нот золотых и пьесой ночной
Проступает душа.
Мое ремесло твой хмель на губах собирает,
Сгорая, как феникс,
Чтоб снова родиться крылатой зарей
Любви.

Вест. Закат, согревший лед

Забудь мою дерзость, пропахшую виски
и крепким отваром сигар,
забудь мои взгляды, что ночь пропитали
в бессвязных аллеях.
Я знаю одно, что с тобой
я теряю свой дар
кричать в пустоту,
без любви, без надежды, без веры.

Ты больше, чем есть,
чем ты знаешь, чем думаешь, чем представляешь,
в моем окружении снов –
твое место венцом серебра и нежным вином.
Я вижу дороги,
они, изливаясь от края до края,
в полях созерцанья
цветут и поют лишь тобой.

Я слышу вдали
хор света несет пробужденье,
я знаю в тебе
найдется тепла для двоих.
Дотронься огнем,
он ласков, он чуток движеньем
июньского неба,
он вечер пускает в разлив

заката, согревшего лед.

Полная чаша

Красное, как кровь, вино –
это твой закат провожает меня в ночную степь.
Движения свободны и легки, словно языки огня.
Я растворяюсь ароматом трав.
Сладость мгновенья льется на сердце прохладным дождем.
Горный хрусталь взгляда ласкает твои плечи.
Образы из осколков древних святилищ
питают губы поэзией.
Принеси мне свое откровение полной чашей любви.
Мне всегда было мало средней величины,
я хочу через край умываться твоим светом,
я хочу находить тебя в каждом кадре души нежного леса.

Вдыхая дождь

Вдыхая сливки дождя, смахивающего пыль с высушенных
ресниц деревьев, отдающего музыкой железнодорожных веток,
льющего хрустальный блюз в родниковые ладони,
я смотрел, как меняется небо, как тянутся непослушные,
но прекрасные заросли облаков, как пустеет уличный спектр
в одиночестве тротуаров и в прохладе полдневной тонет
телосложение каменных плит. Город вынес водой
старый хлам и мне виделись парков кудрявые тропы,
ключевая сосновая тишь, пруда пестрая зелень.
Я когда-то носил цветы в волосах, я когда-то бродил там с тобой
по заблудшим полянам, под тенью болотной,
я когда-то любил этот взгляд в покосившийся берег,
я когда-то любил надежду и верил в ее перевес
над черной лозой. Дождь дал памяти силу творить
новизну забытого света, от усталости стертая в кость.
Все проходит, но только не это, что шептал малахитовый лес,
наше право вязать дороги, наше право бесправно любить,
находить и терять, и снова терять, и терять, пока гвоздь
души вколочен в плоти доску, пока сердца колотится крест.

Молись за тех, кто умер от солнца любви

Познавай тишину на крыльях
снежного горного сна.
Следи за океаном души
пустыней внутренних глаз.

Вей осенней листвой,
шелковой легкостью путь свой раскрась.
Следуй ходу огня,
духу воды, тени орла.

Танцуй ночной тенью
под кровотоками звезд.
Рисуй на весеннем воздухе
фигуры ветра, дождя.

Приходи к дарам виноградников,
чья лоза изумрудов полна,
срывая их свежесть,
молись за тех, кто умер от солнца любви,
за тех, кто летит под откос...

Когда нежный лев теряет своих детей

Когда нежный лев теряет своих детей, он теряет свое сердце.
Делая выбор во имя одного, он словно готовит железный оскал
саморазрушения, душевное самоубийство.
Боль разъедает глаза, губы, движения, музыка саванн покидает его,
он становится заложником собственной памяти и собственной любви.
Ночь делается ближе, свет превращается в угольный туман.
Как только на небесный погост просочится кровь луны,
гнев подступает к прожженному горлу,
сны обретают форму утерянной реальности.
Ярость льется горячим источником его молчаливого рыка.
Опустошение низводит до ненависти.
Когда нежный лев теряет своих детей, он находит мужество.

Собирай мой воздух

Где застыл теплый мед солнца,
Где шумит прибой одиноких лугов,
Собирай мой воздух
Нектаром губ,
Собирай мой воздух
Ожерельями рук,
Средоточием взгляда, что вобрал
Влаги тенистой лесной
Родниковый кристалл,
Дождь ключевой...
Собирай мой воздух
Белоснежным сном,
Розовым садом души,
Сердца рассветной свечой...
Я там брожу крылатой весной,
Летом палящим, осенью спелой,
Зимней вьюгой горных вершин.
Влагой тенистой прольются леса,
Свежим дыханьем расстелется дождь,
Будь мне сестрой, надеждой и верой,
Храмом эфирным облачной пены
Я унесу тебя к вечным кострам
Пробуждения звезд.

Шелк. Говорящая с ночью

Черный парус ночи
распускался шелковым крылом,
чтобы вдохнуть мелодику Андалузии
в глаза спутницы полной луны.

Сердце, вскрытое кистью звезд,
разбивалось о побережье забытого сна.

Она задыхается сладостью,
она чувствует разогретую сталь ветра,
незримую топь елей,
мягкую ладонь неба.

Вокруг носятся демоны древних песен,
и за каждым шагом следует бриз
ее влажных гранатовых губ, шепчущих
о брачном единстве любви и бархатной тьмы.

Точка возврата

Отдышаться, отдышаться от пресса
горячих глаз июньских созвездий,
вдохнуть кедров и маков,
спеть не стоном треснувших ветхих дубов,
но вишней юной в закат опуститься.
Обрести мягкий сон
на теплых камнях у волн серебристых,
в лоскутной траве среди роз золотых,
на крылатых тропах ангельских танцев.
Только стоит поймать и мгновение исчезнет,
только стоит нащупать и миг растворится,
только стоит отчаянно вырезать сердце
и надежда блистает Египетским полднем,
и кричат маяки и сплетаются струны
белым руном, музыкой неба Господня.
Забыть и тут же вспомнить песней ручьев,
где нимфы прекрасны телами, как жемчуг,
где соком гнездятся плоды винограда
и пьяной свирелью свобода кипит,
свобода от собственных мыслей,
от гнета дыхания, от взгляда в свой черный
паучий капкан и дремучий рудник.
Я вижу тебя, вдохновенное летнее пламя
души.

В перекрестках июньской жары

Вечер сгущался кроваво-гранатовым фоном
над серым могильником города.
Мы шли, больные от хмеля усталости
в перекрестках июньской жары.
Неизвестность плела горизонты туманом
в соках дышащей молодости.
Мы держали в руках пол мира,
мира в лучах новой жизни и старой любви.
Не бойся, я рядом, пусть хоть солнце
бездонно утонет в лунном котле,
Пусть хоть ветер сорвется с петель
и дороги покроются ржавой листвой.
Реки впадают в моря, моря в океаны,
ты не одна и я не один, мы вдвоем и вдвойне,
А значит, пристанище есть, есть огонь,
есть что-то, что нас приведет непременно домой.

Тени поют

Пустота глубока.

Пустота разлива гор, призрачной облачной кроны,
безбрежно разбросанной кофейной долины,

полной целебного безмолвия, такую пустоту
зову я сердцем дикой поэзии.

Тени поют.

Небо вскрывает кристальное лоно,
взгляд – водной лилией,
слух – орлом за версту,
прикосновения – шелковым лезвием.

Слушай.
Безмолвствуй.
Тени поют.

Уходи от себя метелью горного воздуха.

Потусторонность

Я хочу рассказать вам о море человеческих душ,
Снующих по коридорам одиночества и безысходности,
Об отверженных и выброшенных к границе молчания,
Где бешенный ветер безразличия обрывает связки псалмов,
Где вечная ночь смолой разъедает глаза,
И холод струится нектаром январских прелюдий.
Их души, согретые погребальными кострами, ползут по сырým улицам,
Их беглые тени заглядывают в ваши окна, отлитые уютom,
Их ветхие фрески растворяются черной пылью,
Неузнанные, неприметные, обреченные.
Их боятся и поэтому их ненавидят, их ненавидят и поэтому их не знают,
Их не знают, но они здесь, волочат свое озябшее сердце по частоколу кровавых будней,
Через надежду на возвращение, через непризнанную область своего права
На спертый глоток воздуха...

Процесс. Динамика. Направление

Я пью жару, вдыхаю солнца пепел,
В моих ладонях тающий июнь,
В моих глазах огнем слезится лето,
И бриллиант озерных, свежих струн.

И я иду, сливаясь бредом полдня,
И кто бы знал, о чем поет мой шторм,
Мой звездный прах на черной преисподней,
Мое молчание в печали снежных гор.

Одиночество. Нехватка времени не дает право на одиночество, на внутренний безмятежный моно

Свет гаснет, ночь разводит крылья.
Проснусь ли завтра, жив ли был сегодня?
Взбиваю сны осклизлой пеной мыльной.
Усну ли завтра в радости, иль боли?

Все слов набор, абсурд, теки рекою
По руслу дней и берега питай
Надеждой, радостью, отчаяньем и болью,
Пока есть ветер, ад любви и рай.

Солнце говорит мне, вставай. Солнце опускает на плечи свои лучезарные волосы, швыряет янта

Диалог. Nature

Холодное дыхание арктических льдов,
Ржаво-лимонная просторность тундры,
Болотно-каряя вязь тайги,
Пунцовая свежесть смешанных лесов Евразии,
Песчаное море Среднеазиатской пустыни,
Туманно-снежный гранит Центрально-азиатских гор,
Горячая солома Африканской саванны,
Разноцветный ветер тропических лесов Америки,
Влажная радуга тропических лесов Азии,
Бордовый вакуум Австралии,
Лилейные берега Антарктики –
Слышат меня...

Я седой, как туман и в глазах моих скрежет метели

Я седой, как туман и в глазах моих скрежет метели.

Кровавой желтизною листьев клена
опало солнце в горизонт моей души.
И снежный камень утренней луны
напомнит вскользь погост зари вечерней,

но путь мой искренен, пока луга свежи,
и небеса разливом тень ласкают,
земля тепла, реки доступны пульс,

но путь мой неподделен,
пусть минором
горло
плещет,

сцепленьем гор я навсегда вернусь
к твоим молитвам, в тот июльский вечер,
когда воздушных токов розы оплетали
аллеи наши, наши руки, наши плечи.

Пряный прилив июля

Тонкая сладость розы
веет с твоих берегов.
Я подхвачу каплю нектара
робким движением пальцев.
Робость прорвется радостью, радугой брызнет цветов
взгляд, и поднимет парус
медом душа-скиталица.
Тает закат поцелуем,
ты воскресила полночь.
Ты мне открыла сердце
шелковым ветром настезь.
Ветер прогонит тени, нежность придет на помощь
моим расстрелянным песням,
что ты в близость поманишь.
Пряный прилив июля,
мир, потерявший время.

Я принесу на ладонях
музыку рек алмазных,
скал седовласых верность и, обманув мгновенье,
дам ему имя – вечность,
вечность, застывшая в красках
тонкой сладости розы.

Амедео

Тонкость цвета, чуткость силуэта,
одухотворенный примитив,
резкость, острота икон портретных,
Модильяни и Париж,
Моди и Жаннетта...
Словно в руках скульптора
линий тишина и выразительность
сплетаются душой,
душа струится краской,
(там от Боттичелли, Пикассо, Сезанна)
человек – вот, что его интересует,
вот источник, вот природы месса.
И отверженному вторит винный зной,
дух гашиша, нищета бульваров,
мятежом на холст прессуя
тридцать шесть в посмертной маске,
миллиард и двести миллионов в бытие ударов
сердца дерзкого...

Элегия. Пока я рядом

Ты слышишь, ночь поет о разлуке,
о надежде в кристалликах слез,
когда возвращение неизбежно.
Звезды прорвали черную ткань,
сгусток луны красноречиво безмолвен,
пыль золотых цветов в твоих волосах,
губ мятная свежесть,
память открывшихся ран,
чистое поле –
душа.
Ты знаешь меня, я всего лишь паломник,
беглец от асфальтовых лож в бериллы лесов,
помни меня, чтобы было куда вернуться,
чтобы было разлито тепло и вином
разбавлена непогода.
Янтарная пыль цветов,
лунное блюдце,
губ пурпурных огонь.
Ты слышишь, мне нельзя не вернуться
туда, где один поцелуй на вес
седого дыханья вселенной.
Если спишь, попробуй проснуться,
попробуй скалы отвесной
ветер на вкус,
снег морской соли,
люминесценции леса
взглядом черпай,
пока я рядом...

Этюды

Болотная овчина леса,
соль облаков, эфира плеск,
кустарный драп, цветов разводы,
жемчужный взгляд
в дороги даль,
где мой покой
не сохранить
для сердца полноводного...

Цитрусовый вечер
обдаёт соцветьем,
тянет нить сирени
горизонта лен,
пряди ветра льются
на тростник ресниц
чистым бытием...

Шорох, шелест, песнь листвы,
сеть древесных изваяний,
переплеты изумрудов,
длани тонких чувств весны,
меланхолия шафрана
под осенние псалмы,
и я сбрасываю кожу
верой дикой, слухом пьяным...

Форма

Вечер усталостью ломит пыльные кости.
Лунные ясли провисли в бледный иней свинца.
Мраморный череп зажат между лопастей сквозняков.
Звезды толпятся у входа в заводь ночную серфингом шляпным.
Я раздираю губ занавески, но слов липкие гроздьи
оседают в гортани массой застывшей. Сегодня словца
не вытянуть, песни не протянуть сквозь черный озноб,
сегодня я форма без содержания, слог, упрятанный
в подсознание серых проспектов, в глину сырых фонарей.
А лето травит загаром, а ночь возвращает желанье дышать,
но дыханье – безмолвно, лишь скрип, диафрагмы дугой.
К чему шаркать, плевать стилистикой вакуума,
все сказано, все написано, все там, где звездных огней
пропитые глаза чахнут забвеньем. Бежать!
Бежать за их пеклом, хромать под их звон бороздой,
доколе рассветная медь не засучит рукав
в крахмале и блеске классики буднего жанра.
Но доселе, я форма без содержания, я анклав
в тисках течений, перебродивших небесной манной.